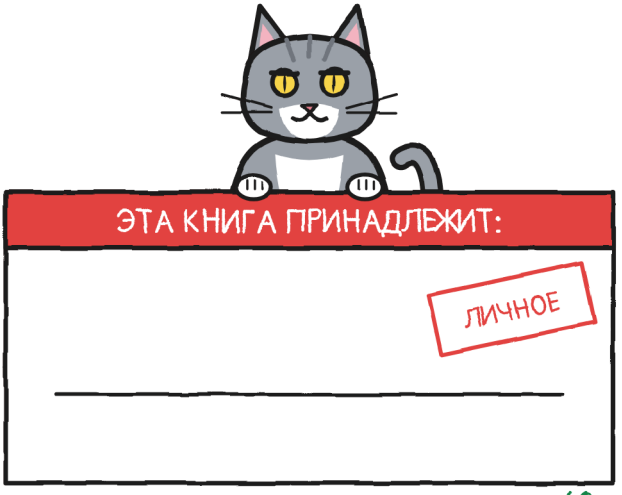

И больше никому. —Ю.

Если найдёшь её, не открывай до грома.

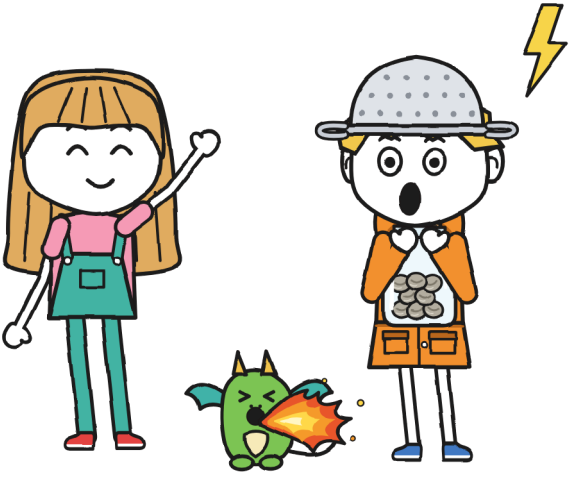

Эта печать означает то, что бывает только в сказке: ты так не делай. Если это длится несколько страниц, там написано ОТСЮДА и ДОСЮДА. В настоящую грозу главная — последняя страница. —Ю.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 2

Не открывать до грома

Lui Eriksson

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 2

Не открывать до грома

Вторая книга серии. Первая: «Эта посылка кусается».

Текст и иллюстрации: Lui Eriksson

Русская версия: LinguAula

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

Первое издание: 2026

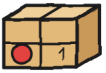
© 2026 Lui Eriksson · info@linguaula.com

Можно свободно копировать — для класса и для дома.

Шрифты: Andika, Pangolin, Caveat и IBM Plex Mono (лицензия SIL OFL).

Занимайся по каждой главе на linguaula.com

Ни один гром не пострадал при написании этой книги.
—Ю.

ГЛАВА 1

Охотник за грозами

В магазине напротив лежит посылка, которая дрожит.

В прошлую субботу она шевельнулась всего один раз. С тех пор не останавливается: мелкая, ровная дрожь, как у маленькой собачонки в приёмной у ветеринара. Так продолжается уже семь дней. С каждым днём чуть сильнее.

А у меня новая тетрадь.

Тетрадь № 1 у меня кончилась. Мара, хозяйка «Невозможных доставок», дала мне эту: синяя обложка и красная печать магазина в уголке. На первой странице я написал название, с одним новым словом:

ТЕТРАДЬ ДОСТАВОК 2 · Гуни. ОФИЦИАЛЬНАЯ.

«Официальная» значит, что я читаю её первой. Официально. —Ю.

Мара говорит, что в официальных тетрадях не рисуют. Посмотрим: в этой уже есть рисунок.

Что нужно знать про прошлую тетрадь: две субботы назад мы с Юлей (той, что пишет зелёные записки) ночью, по мостику и без единого взрослого, доставили яйцо, которое никто не мог доставить годами. Теперь это Крошка, малышка-дракон, которая всё за мной повторяет. Мара, ведьма из магазина, нас наказала: каждую субботу там, в десять. Я новенький в районе, и почти всё моё до сих пор лежит в коробках.

Дрожит посылка № 2. Она стоит на полке возвращённых, и на ней этикетка, которую я знаю наизусть: я читал её каждый вечер этой недели, стоя и не прикасаясь, пока Мара делала вид, что меня не замечает:

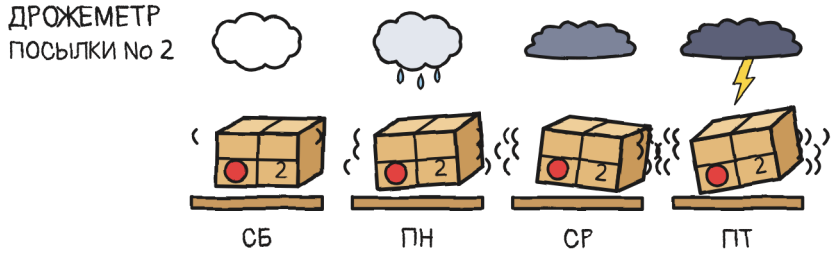
- № 2 · ХРУПКОЕ.
- КУДА: Флора, Канальная улица, 9.
- ИНСТРУКЦИЯ: НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ГРОМА.
- ОТПРАВИТЕЛЬ: R.

Вокруг — двадцать три штампа ВОЗВРАЩЕНО. Я пересчитал их дважды, на случай, если какой-нибудь отвалился.

Возвращённая посылка — это посылка, которую никто не смог доставить: если получатель не распишется на ней чернилами, которые не стираются, на рассвете она улетает обратно на свою полку и встаёт в ряд, как утки. Осталось девятнадцать: так написано на стене зелёным, Юлиным почерком, а то, что Юля пишет зелёным, не стирается. Все их

присылает один и тот же человек, R., и про R. известно только одно: почерк ужасный.

Каждый вечер я записывал, как сильно она дрожит и какая стояла погода; так получился ДРОЖЕМЕТР ПОСЫЛКИ № 2. В пятницу на тучке был нарисован удар молнии.

Дрожит не от страха: идёт гроза. В субботу, в шесть вечера. Я шесть раз проверила прогноз. —Ю.

Я прочитал записку дважды. Во второй раз — только про шесть.

В субботу в десять Мара — фиолетовая шляпа, печать, которая сыплет искрами с запахом задутой свечи — ждала нас за прилавком с посылкой № 2 в руках. Не на полке: в руках. Рядом с печатью по-прежнему сидела резиновая лягушка, моя с тех пор, как перестала быть ничьей. А Тоньо, курьер «МОЛНИИ», стоял в каске: по субботам он тоже наказан, а наказания Тоньо отбывает так, как возит заказы, — вовремя и ничего не снимая.

— Двадцать три раза я носила её сама, — сказала Мара. — И ни разу в грозу.

Мара провела большим пальцем по этикетке. Я посмотрел на витрину, с каждой минутой всё более серую: сегодняшний рейс будет не такой, как раньше.

— Эту, — объявила Мара, — доставите вы. Сегодня вечером.

Юля подпрыгнула так, что чуть не достала до таблички ОСТАЛОСЬ 19, и ещё в воздухе заговорила. Я не прыгал: у меня остались два слова, «сегодня вечером», и один час, шесть, и они весили больше, чем посылка.

Мара поставила три условия и пересчитала их по пальцам:

1. Выходите в пять, пока не началась гроза, и сидите у Флоры, пока она не кончится.
2. Ваши семьи уже знают, и Флора тоже.
3. Правило то, что на этикетке: не открывать до грома. И гром должен быть над головой: далёкие не считаются.

Я узнал этот трюк: это были почти те же правила, что в нагоняе от Веры, хозяйки Крошки, только сказанные заранее, а не потом. Мара на нагоняе не была и всё равно узнала: в этом районе нагоняи приходят раньше посылок.

— А вы не идёте? — спросила Юля.

— У меня тут дела, — ответила Мара и посмотрела через витрину на небо, которое становилось серым.

В конце прилавка лежали сложенное одеяло, лыжные наушники и ковшик. Я всё видел. Я смотрел на посылку.

Тут Юля посмотрела на меня.

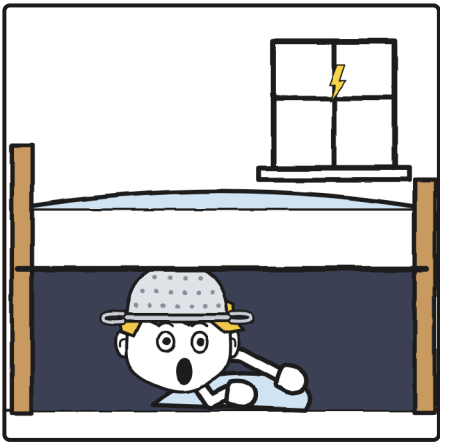
— А тебе нравятся грозы?

Она спросила, глядя прямо на меня. Я мог бы сказать правду. Я сказал вот что:

— Обожаю. В моём прежнем районе я был профессиональным охотником за грозами.

В прошлой тетради ложь вернулась через день и ночь. В этой я решил сократить ей путь: нарисовал ложь в то же утро, а в соседнем кадре — правду.

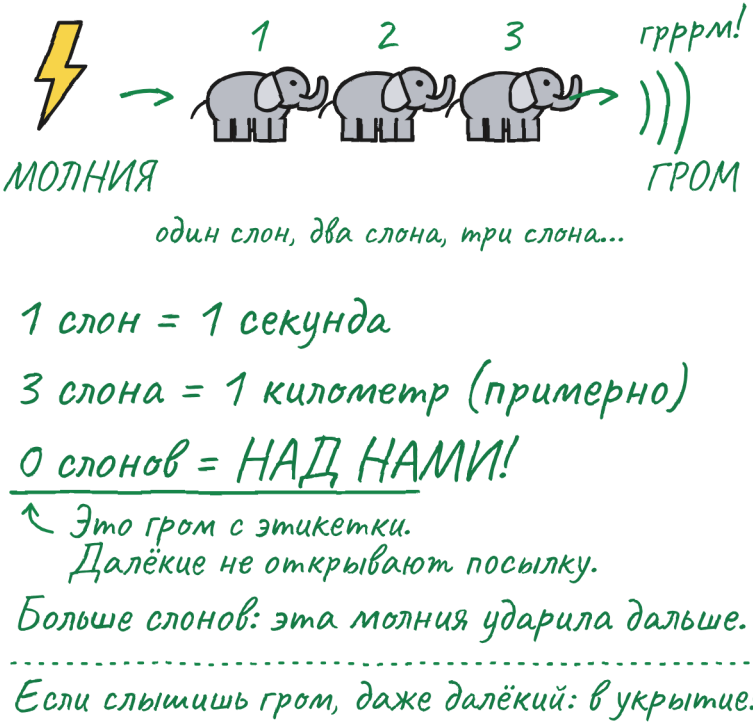

Дуршлаг был наш, кухонный, стальной, с двумя ручками. Молнию он не останавливал. Мне помогало, когда на голове что-то лежит. Сейчас он был в какой-то коробке с переезда, рядом с ножницами, которые мама искала уже неделю.

Юля научила меня считать грозу — в моей тетради, не спросив разрешения, зелёным.

Считают от молнии до грома, слонами: «один слон» длится примерно секунду, а каждые три слона — это километр. Так можно примерно узнать, как далеко ударила молния; куда ударит следующая — нельзя. И ещё счёт не говорит, когда можно выходить, а это, по словам Юли, другое правило, без рисунка: через полчаса после последнего грома.

Я попробовал про себя, и у меня получились слоны очень быстрые, от которых толку нет. Мне ничего считать не требовалось, ведь я обожаю грозы, но я всё равно записал, на всякий случай.

Тоньо прочитал этикетку у меня из-за плеча — как читает всё, что не его.

— «МОЛНИЯ» в грозу не доставляет, — сказал он и показал нам мелкий шрифт на своём жёлтом рюкзаке:

ДОСТАВКА «МОЛНИЯ» · ЗА ДЕСЯТЬ МИНУТ ИЛИ БЕСПЛАТНО и, в лупу Юли, звёздочку: *Кроме грозы.

— Грозы ведь ещё нет, — заметила Юля.

Тоньо перечитал мелкий шрифт на случай, если там что-нибудь сказано про «ещё». Ни слова.

Так что Тоньо пошёл с нами. Слонов он считает одним махом, «раздватри!», будто это доставка. По Тоньо, все грозы находятся за километр. Не знаю, храбрость это или нехватка слонов.

В пять я сбегал домой за дождевиком, а Юля подождала у подъезда. Мама ждала меня у двери квартиры, и дождевик свисал у неё с руки. У неё есть теория про оранжевый: что его видно издалека. Откуда она собирается смотреть, я так и не понял.

— Надень оранжевый, — сказала она. — Ты точно хочешь идти? Ведь ты, когда гремит...

— ПОКА, МАМА!

Я скатился по лестнице через две ступеньки. Я рассчитал, что в эхе подъезда половина маминой фразы по дороге потеряется. Не потерялась. Юля стояла внизу.

«Ведь ты, когда гремит...» ЧТО? —Ю.

Мы шли по Большому мосту, и небо чернело с каждым шагом. Ночью его разводят, чтобы пропустить корабли; днём по нему ходят все, а в тот час шли только мы и один спешащий господин в обратную сторону, а это правильная сторона, когда надвигается гроза. Я нёс посылку № 2 обеими руками, очень прямо. Тоньо катил велосипед рядом: медленнее я не видел, чтобы ехала «МОЛНИЯ», если только она не заблудилась.

На середине Юля поприветствовала воду своим сухим жестом: рукой, коротко, не улыбаясь, как человека, который ей не нравится. Она делает так с той ночи на мостике. Кажется, это договор: она здоровается, а вода её пропускает.

Далеко-далеко вспыхнуло небо.

Моргнуло за тучами, беззвучно, как будто кто-то включает и выключает свет в комнате, где тебя нет. Юля остановилась как вкопанная и стала считать слонов шёпотом, с закрытыми глазами. Тридцать, и только тогда донёсся звук. Я считал вместе с ней, про себя, моими очень быстрыми слонами, и у меня вышло сорок два.

Гррrм.

— Километров десять до этой молнии, — прикинула она. — По прогнозу гроза будет к шести.

— Прогремело! — воскликнул Тоньо. — Уже можно открывать?

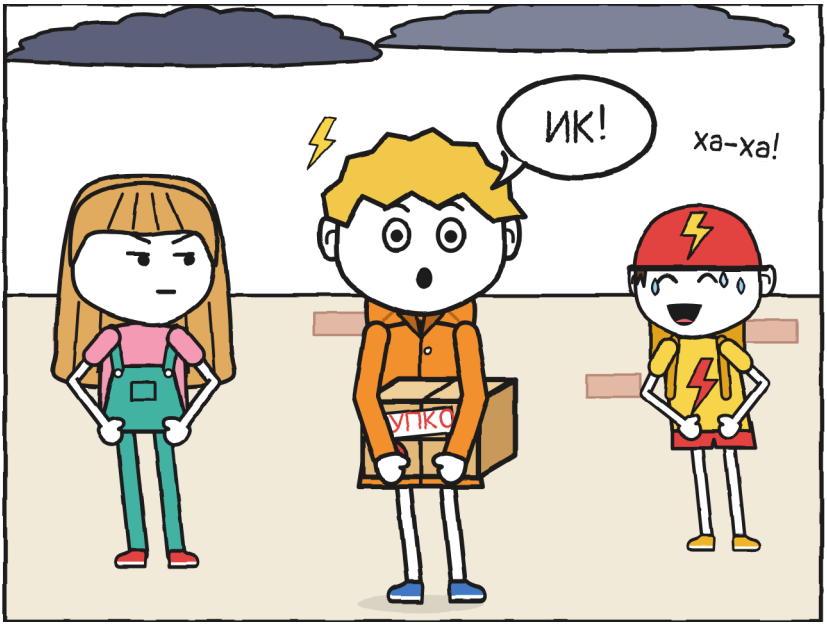
— Для посылки этот не считается, — сказала Юля, не открывая глаз. — До него десять километров, а гром с этикетки — тот, что над головой: ноль слонов. Но слышно уже: в укрытие! Бегом!

Я побежал к Канальной улице, делая вид, что ничего не слышал. Ни «гррrм», ни про шесть.

— Это что, ик? — спросила Юля, не замедляя шага.

— Нет, — сказал я. — Ик!

Тоньо согнулся над рулём и хохотал так, что велосипед повело в сторону. Юля не смеялась. Она прищурилась, как когда читает что-то, чего нет на бумаге.

Гром — и ик: у меня это с детства. Если гроза далеко, ик остаётся один; если над головой, приходит ещё один, и ещё, каждые три секунды, пока гроза не уйдёт. Это не страх. Это то, что делает моё тело, не спросив меня, как рост или чихание, и, как рост, оно не останавливается оттого, что состроишь лицо. Я знаю, я пробовал с любыми лицами.

Это называется страх. —Ю.

На Канальной улице Вера, рыжая, уже ждала нас у двери Дома Драконов, вплотную к дверям Флоры, с Крошкой на руках. Крошка, как только меня увидела, сделала моё лицо: она всегда так — смотрит секунду, проверяет, какое у меня лицо, и надевает такое же.

Я поставил посылку № 2 в корзину на велосипеде Тоньо и раскрыл руки.

— У неё первая гроза, — сказала Вера и передала Крошку мне. — Она всё за тобой повторяет, Гуни. И то, что ты чувствуешь, тоже. А если испугается, не тяни её: она цепляется. Когда всё кончится, три удара по ограде двора Флоры, и я за ней приду.

— Я ничего не чувствую, — ответил я. — Я обожаю грозы.

Я сказал это, выпятив грудь, и Крошка у меня на руках выпятила грудь так же, с вытянутой шеей: живое изображение того, кто обожает грозы, в двух размерах. Вера посмотрела на нас обоих, один на другом, с одним лицом на двоих, и ничего не сказала. Вера приберегает слова до тех пор, когда они нужны.

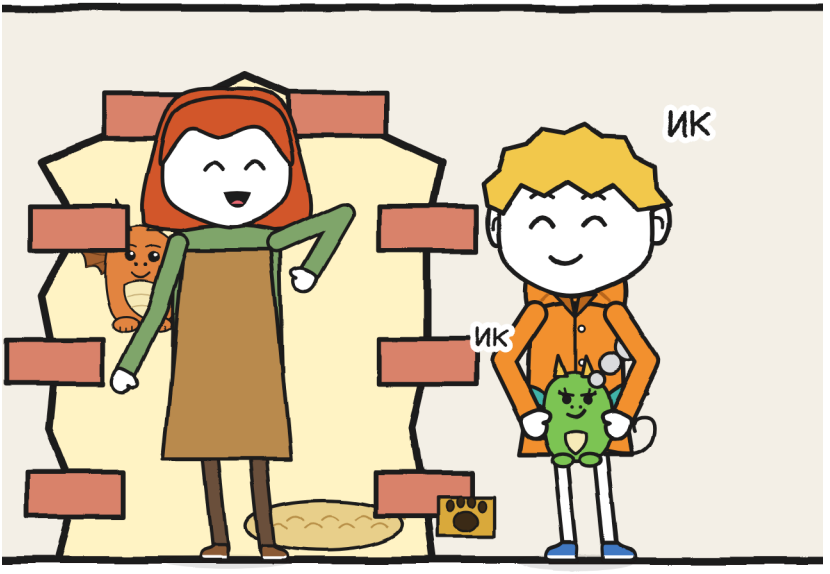
Вдали загремело. Я икнул. Крошка икнула, и у неё пошёл дым из носа.

— Внутрь, быстро, — отрезала Вера и подтолкнула нас к двери Флоры.

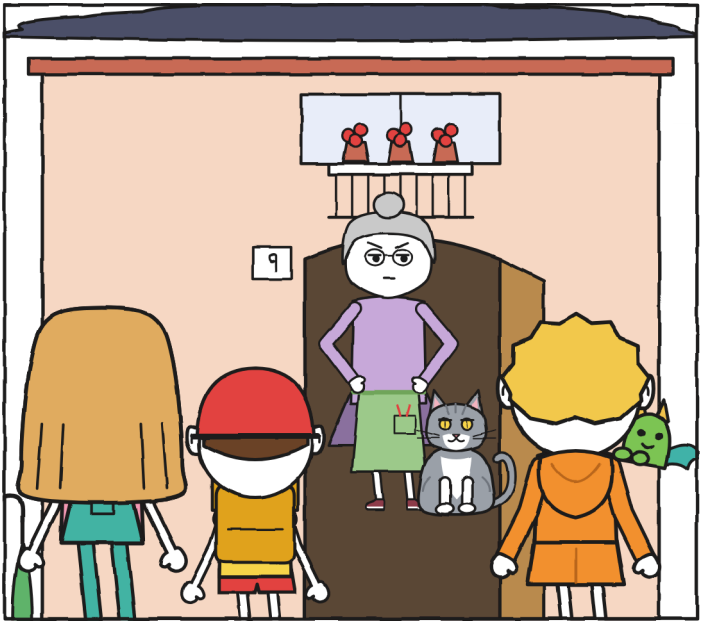
Дом Флоры — тот, что с геранями, с балконом, с которого на нас смотрела какая-то женщина две субботы назад, держа лейку в воздухе.

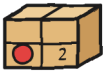
Она открыла дверь раньше, чем мы постучали: женщина с седым пучком и очками, в зелёном садовом фартуке со множеством карманов, а у ног — серый кот с белой грудкой, который посмотрел на нас как на посылку, предназначенную

не ему. Она посмотрела на коробку. Посмотрела на небо. Посмотрела на Крошку. В таком порядке, и на каждое потратила одно и то же время, то есть немного.

— Малышка Веры. Лишь бы не спалила мне папоротники, — сказала она. — Проходите, сейчас польёт. Но предупреждаю: за камни я не расписываюсь.

٩

ГЛАВА 2

Гром!

Кухня Флоры полна растений: на столе, на полу, под потолком. Между ними остаются проходы, по которым надо уметь ходить. Папоротники, те самые, которые Крошке не следовало палить, стояли как раз на высоте её носа.

В глубине стеклянная дверь ведёт в теплицу, а задняя, деревянная, со стеклом наверху и кошачьим лазом внизу, — во двор. Через стекло было видно, как на плитках двора начинается дождь. Пахло мокрой землёй — запах, который я знал по паркам, а не по кухням.

На стекле теплицы были нарисованные капли. Одна поползла вверх. Другая её обогнала.

— Заколдованные стёкла от R., — сказала Флора. — Дождь пропускают, когда я хочу. Молнии — никогда. А шум проходит всегда, тут уж ничего не поделаешь.

Я запомнил это для карточки R.: R. умеет делать заколдованные стёкла, и двадцать три раза подряд ни разу не получилось доставить банку.

На холодильнике магнит придерживал фотографию. А на гвозде у раковины, между сковородкой и пучком сухих трав, висел стальной дуршлаг с двумя ручками. Я заметил его сразу, раньше растений: сразу видишь то, что целую неделю искал не в тех коробках.

Тоньо завёл велосипед в коридор, от дождя, и остался рядом с ним, в дверях кухни, наполовину внутри: так Тоньо входит туда, где ничего не его. Кот прошёл у него между ног, и Тоньо отодвинулся гораздо дальше, чем нужно, чтобы дать ему пройти. Я подумал, что он не хочет, чтобы задели велосипед.

Флора поставила коробку на стол, локтем сдвинула два горшка и открыла её, не спрашивая. Не спрашивая и не читая этикетку: она знала, где поддаётся картон коробки, которую открывала много раз. Внутри, среди соломы, лежала стеклянная банка с пробкой, а в банке — восемь серых шариков.

— Там написано: не открывать до грома! — закричала Юля.

Юля ткнула пальцем в этикетку. Третье условие Мары продержалось столько, сколько нужно женщине, чтобы приподнять клапан.

— Я открыла коробку, а не банку, — сказала Флора. — Что внутри, я и так знаю: мне от R. обещали фонарницы, а присылают камни.

Это прозвучало как старая жалоба, из тех, что говорят уже не для того, чтобы кто-то услышал, а потому что пора. Я посмотрел на банку. Шарики были серые, гладкие, как маленькие орехи, и лежали так неподвижно, как могут лежать только камни. Я бы не взялся утверждать, что это не они. В тетради рядом с банкой я нарисовал стрелку: «камни?». Кто-то дописал вторую, зелёным: «фонарницы?».

— А что такое фонарница? — спросил я.

Те, что я знал, были бумажные, цветные, их вешали на верёвке между балконами на праздник; они жили до первого дождя. Но и камни с печатью, по-моему, никто не рассылает.

— В «МОЛНИИ» камни принимают на вес, — сказал Тоньо от двери.

Никто не обратил внимания. Он сам тоже.

Флора подошла к холодильнику, отлепила фотографию от магнита и положила на стол перед нами, рядом с банкой.

Фотография была старая: набережная канала ночью, и вдоль берега ряд низких круглых огоньков, один за другим, до самого начала мостика. Это были не фонари: они росли из земли, как будто кто-то посеял лампочки. На переднем плане, спиной к нам, двое сажали что-то: у одной на затылке пучок, а рядом — соломенная шляпа, такая огромная, что не видно, кто под ней. Про шляпу я не спросил. Флора про шляпу ничего не сказала. Между двумя молчаниями поместился целый человек.

— Растения, которые хранят свет молний и светят всю ночь, — сказала Флора. — Семена привозили от R. уже проснувшимися, в ночи гроз; землю насыпала я. Спящих я не видела никогда. Фонарницы гасли одна за другой, и приходить перестали: теперь присылают вот эту банку.

Флора приклеила фотографию обратно на холодильник. Получилось криво. Она поправила её пальцем и постояла ещё немного.

Вот почему канал был такой тёмный. На мостике погасли огни, и никто больше их не зажигал. Вот почему на нём так страшно.

Было страшно. Мне — очень: шла в темноте. —Ю.

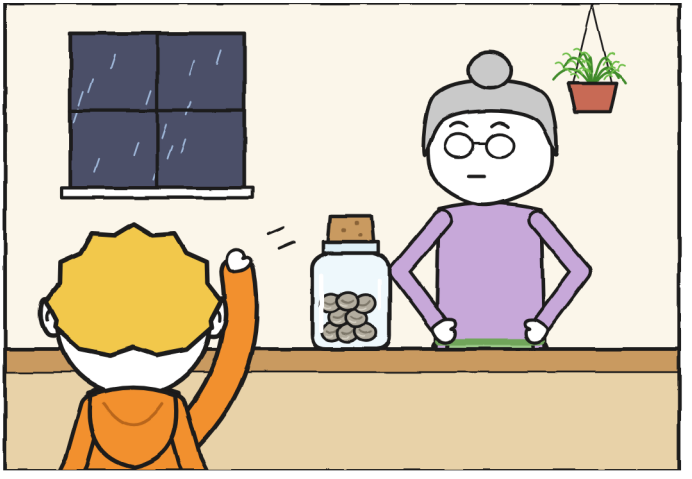
Юля написала эту записку, не отводя глаз от фотографии на холодильнике. Мостик — это доска над каналом, по которой мы перешли две субботы назад: она спиной вперёд, а я подсказывал, куда ступать.

— R. всегда держит слово, — сказала Флора. — Поздно, но держит. На этот раз вышла ошибка.

Я записал обе фразы на отдельной карточке, из тех, что растут списками: ЧТО МЫ ЗНАЕМ О R., с портретом в виде вопросительного знака. В ней было две строки, обе из тетради № 1: ужасный почерк, по словам Мары, и лицо Веры, когда она увидела инициал. Теперь, с заколдованными стёклами, за этот вечер прибавилось ещё три, а портрет остался прежним.

— А вы когда-нибудь ждали грома, чтобы её открыть? — спросил я.

Флора посмотрела на меня поверх очков. Я опустил руку, которую, не знаю зачем, поднял, когда спрашивал.

— Я никого не жду, — сказала она. — Даже грома.

Юля кивнула, не заметив этого. Я заметил и промолчал.

Кота Флоры зовут Гром. Это написано на его синей миске белыми буквами, рядом с кошачьим лазом, и я срисовал её в тетрадь, с мисочкой и заглавными буквами, потому что потом это важно: ГРОМ. Я записываю имена всего, что может меня напугать; научился на посылке, у которой оказались зубы. Он серый, как дождевая туча, с белой грудкой и жёлтыми глазами, и когда ложится у холодильника, мурлычет так низко и так ровно, что кажется далёким громом, тем, от которого ещё не икается.

Пока мы ждали грозу, на кухне случилось всё и не случилось ничего.

Юля барабанила пальцами по столу, тук, тук, тук, рядом с банкой, в ритме того, кто шесть раз проверил прогноз и теперь хочет только, чтобы всё началось. Флора открыла банку печенья и поставила посредине, не сказав «угощайтесь»; было понятно. Тоньо, не снявший каску даже ради печенья, как раз жевал его, когда далеко прогремело: грррм, который почти и не был громом. Я икнул. Крошка икнула, и у неё вышел короткий язычок пламени, который прошёл перед печеньем Тоньо и сделал его золотистым. Тоньо посмотрел на него, понюхал и всё равно съел.

Флора, ни слова не говоря, придвинула ведро с водой, которое держала наготове, и поставила на пол рядом с

Крошкой. А Гром, до сих пор делавший вид, что нас нет, увидел Крошку, шерсть у него на спине встала дыбом, и он с толстым хвостом остановился прямо перед ней. Крошка спряталась за мои ноги. Я, сам не заметив как, спрятался за Юлю. Получилась цепочка: кот, малышка, мальчик и девочка с пальцами на столе, которая не шелохнулась.

Хуже всего в грозе — ждать грома. —Ю.

Гроза приближалась. Это было заметно по окну, которое становилось цвета грифельной доски, и по банке: шарики, до сих пор неподвижные, как камни, начали позвякивать о стекло, тонким «дзынь», которое сначала я принял за дождь, а потом перестал. Всё громче. Как будто внутри банки тоже считали. Камни не считают. Я подумал это и не сказал: Флора уже раз посмотрела на меня поверх очков.

Юля считала вполголоса, после каждой молнии: «Двенадцать слонов». «Девять». Числа убывали. И каждый раз, когда они убывали, у неё всё сильнее двигалась под столом нога, постукивая по полу в ритме ничего. Я видел это оттуда, где сидел. Я сказал, что она продырявит пол; она ответила, что считает. Юле не скажешь, что у неё есть нога.

Тогда Крошка выпустила ещё один язычок, маленький, без ика, от чистой нервозности, и Гром, оказавшийся на расстоянии ладони от неё, пулей вылетел в кошачий лаз, во двор, под дождь, со звуком крышки: клац. Флора рывком открыла заднюю дверь и закричала ему с порога всем голосом, какой у неё есть, а его у неё много:

— ГРООООМ!

Если кто-нибудь спросит, рука Юли лежала на пробке ещё до крика. Меня никто не спрашивал.

И Юля открыла банку.

ЧПОК!

Звук был маленький, круглый, пробочный, и услышали его отлично, потому что на кухне на полсекунды не было слышно больше ничего. Юля подняла пробку с лицом человека, который выполнил правило буквально.

— Прогремело! — сказала она.

Не прогремело. Это кричала Флора. Гром — это кот.

Я икнул, кстати. Не потому, что прогремело: потому что в двух метрах от меня кто-то закричал «гром», а моё тело не различает. Крошка икнула с язычком пламени, а Тоньо закрыл уши обеими руками, поздно.

Про кота я записал заранее, рядом с рисунком миски и её белыми буквами, чтобы всё было ясно.

Эту страницу я прочитала потом. —Ю.

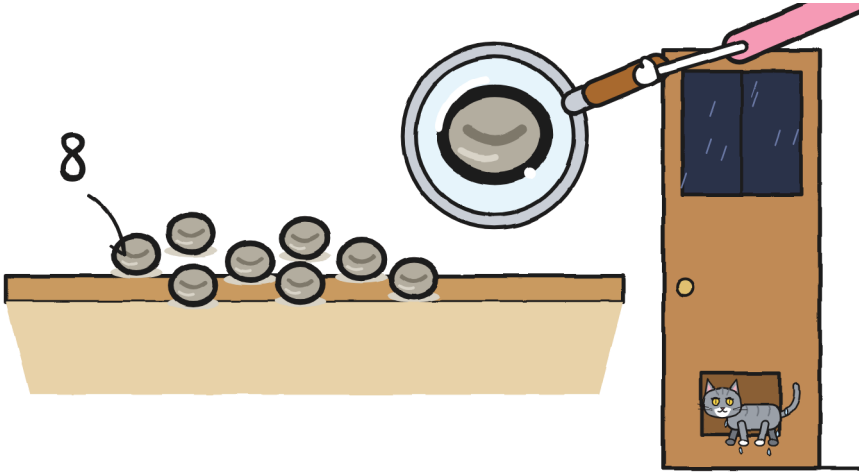
В банке теперь лежали только восемь серых шариков, холодных и неподвижных. Ничего не загорелось, ничего не подпрыгнуло, ничего не сказало «дзынь». Юля, которая не из тех, кто сдаётся с первого раза, осторожно высыпала их на стол и достала из кармана комбинезона лупу. Я пересчитал их пальцем: восемь. Это то, что я делаю, когда не знаю, что делать. Считаю.

— У них есть чёрточка, — сказала она. — Как закрытый глаз.

Я посмотрел в лупу, одолженную на минуту. У каждого шарика была тончайшая изогнутая линия. Похоже на веко.

Гром вернулся сам, через кошачий лаз, промокший, с прилипшей шерстью и вдвое меньше, и отряхнулся прямо над ведром Крошки, которое уже было полным. Флора закрыла заднюю дверь, вытерла руки о фартук и посмотрела на стол.

— Это камни, — сказала она. — И кто-то открыл банку до грома.

Говоря это, она не смотрела на Юлю. Не нужно было. Юля стала цвета своей футболки, розовой, и очень медленно убрала лупу в карман, как будто медленно убирать — это способ ничего не открывать.

Я мало знаю о растениях. У меня была чечевица на вате, и она не пережила переезд. Но Флора сказала: «Спящих я не видела никогда», и я не мог не думать про эти закрытые чёрточки.

— Они спят, — сказал я. — Это не камни, а семена. Потому там и написано «не открывать до грома». Может, их разбудит гром. Большой, от которого дрожат стёкла.

Спящее семя — это камень с планами.

Флора села, впервые с тех пор, как мы пришли. Посмотрела на шарики. Потом сказала:

— Если это семена, пусть докажут.

На улице уже почти стемнело. Было шесть. Час, который Юля шесть раз проверяла.

Молния сделала всё белым.

Предупреждения не было. Только что кухня была кухней, с растениями, холодильником и мокрым котом, а в следующий миг стала чёрно-белым рисунком кухни: каждый листок вырезан, у каждого из нас тень приклеена к стене, окно превратилось в лист света. Юля открыла рот, чтобы считать, и успела сказать только «один сло...».

И тут пришёл настоящий.

Гром ударил одновременно с молнией: гроза была прямо над нами. Это был не шум, а толчок. Задрожали стол, стаканы и стёкла, и что-то задрожало внутри меня, чего нет в схеме со слонами. Ноль слонов. Над нами.

И погас свет.

Совсем, с тем щелчком холодильника, который перестаёт гудеть, и кухня стала чёрной, как дно закрытой коробки. Остались только глаза: мои, которые я чувствовал слишком широко раскрытыми, чужие и два жёлтых, прижатых к моим ботинкам. Никто ничего не сказал. Слышен был дождь по стёклам и, где-то совсем внизу, маленькое быстрое дыхание, в такт моему.

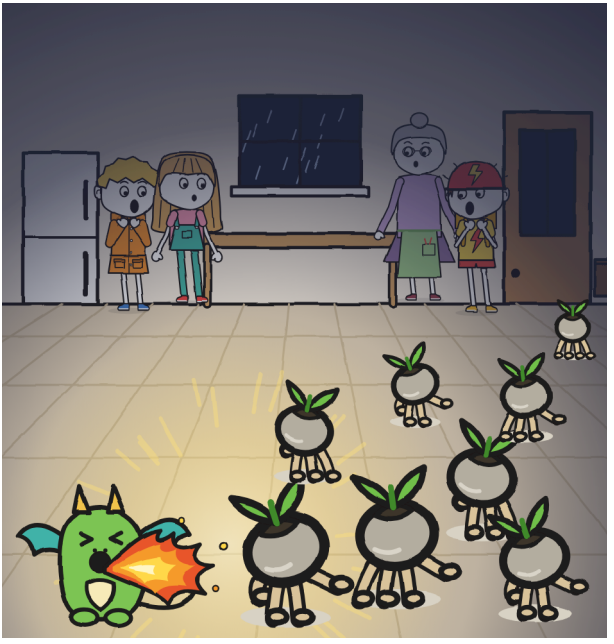

Я икнул.

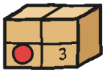
Крошка икнула, и из неё вырвалась вспышка пламени.

На секунду стала видна вся кухня.

Стол был пуст.

У камней были лапки.

ГЛАВА 3

Двигаются, когда не смотришь

В темноте слышался крошечный дождик: тик, тик, тик. Тот, что снаружи, падал. Этот бежал по полу.

Молния.

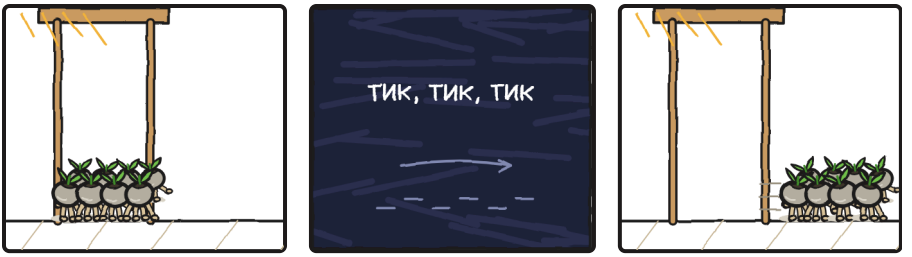
Семена были уже дальше. Неподвижные, с четырьмя лапками и двумя листочками. Одно застыло с поднятой лапкой. У него было такое же лицо, как у меня, когда мама спрашивает, кто это трогал.

Опять темнота: тик, тик, тик.

Я икнул. Крошка икнула. Её вспышка пламени застала три семечка на полушаге. Остальные продолжали бежать.

Это «Море волнуется». Только с семенами. —Ю.

Флора включила фонарик. Навела на одно семя и пригвоздила его к месту. Навела на другое. Первое убежало.

— Это семена! Они проснулись!

Она забыла придать голосу сердитость.

— Я так и говорил, — пробормотал я.

— Тогда помоги мне, чтобы они не разбежались.

Юля присела. В одной руке у неё всё ещё была пробка. Она спрятала её в комбинезон и раскрыла вторую руку перед семечком.

Промахнулась на палец.

При следующей молнии мы увидели, куда они бегут: все к кошачьему лазу.

Флора подтащила огромный горшок и загородила проход.

— Они ищут землю, намокшую в грозу. Здесь только земля из-под крана. А снаружи земли почти нет: плитки, дорожка и канал. Если выберутся, дождь смоет их в воду.

Я посмотрел сквозь стекло. Семечко на четырёх нитяных лапках продержалось бы там столько же, сколько бумажка в луже.

Лаз был закрыт. Но теперь они были по всей кухне, в темноте, а на кухне сто мест, где можно спрятаться: под холодильником, за ведром, между горшками, в лейке и под столом, где сидел я, в дуршлаге Флоры на голове. У нас дома, когда гремит, я надеваю такой же; этот висел на гвозде у раковины, и мои руки сняли его сами.

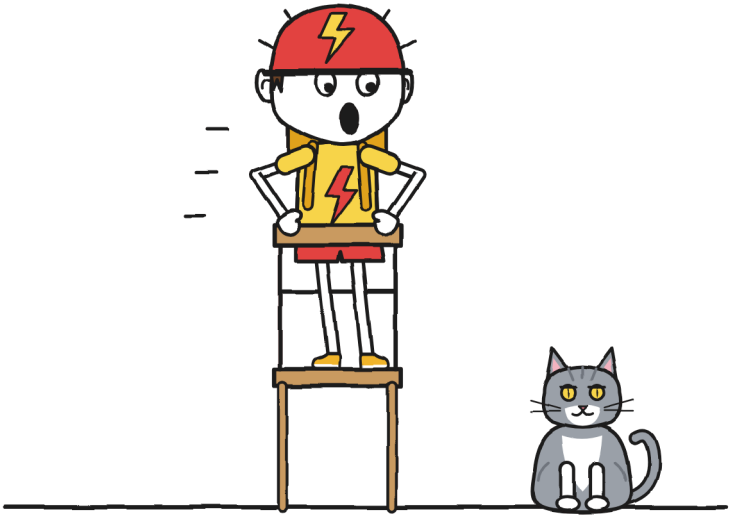
Мы попробовали всё:

1. Юля бросила полотенце на семечко, прыгнула сверху, подняла полотенце, а под ним... Гром. МРРРЯУ! Он выскочил из-под полотенца так, как выскакивают коты отовсюду: оскорблённый до глубины души, и по праву.
2. Тоньо погнался за одним на четвереньках под стульями, и Гром, который не знает, что такое курьер, запрыгнул ему на спину и остался там, в восторге от поездки. ПРОЧЬ!
3. Я, под столом, икнул. Крошка икнула, и её вспышка пламени остановила семя в двух ладонях от руки Юли, и та его поймала. «Одно!».
4. Флора воткнула фонарик в другое и подобрала его с таким спокойствием, с каким подбирают с земли сливу. «Два!».

Гром тоже за ними гонялся. Он видит почти в темноте. Мы — нет. Пока мы спотыкались о стулья и ощупью просили друг у друга прощения, Гром ходил между нами, ничего не задевая, и было заметно, что играет он в другой лиге.

Тоньо не боится гроз. Тоньо боится кошек.

Мы поняли это, когда Гром слез с его спины, а Тоньо вместо того, чтобы вздохнуть с облегчением, влез на стул и остался стоять там, прямой, в каске, поджав ноги так высоко над полом, как позволяли ноги. Гром спокойно сел внизу и стал разглядывать его, как витрину.

— Это не кошка! — сказала ему Юля. — Это Гром!

— ХУЖЕ!

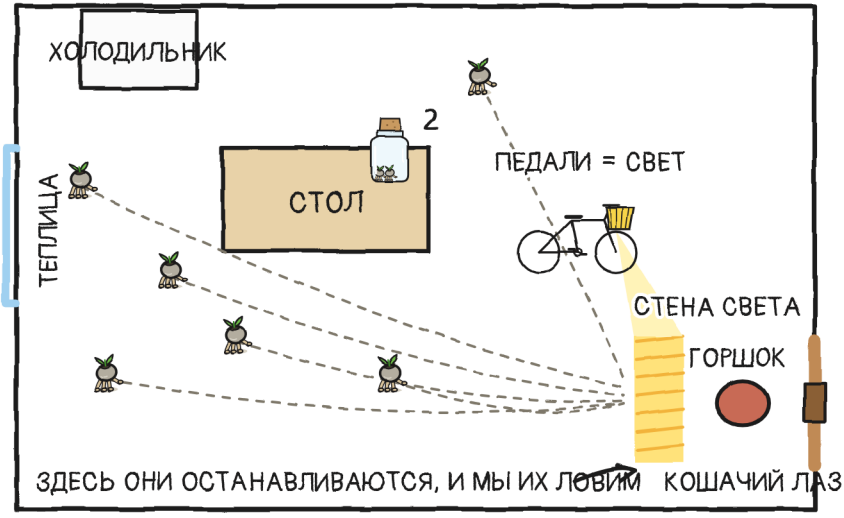
Я пишу это не смеясь, потому что не имею права. Страх Тоньо стоял на стуле, где его видели все. Мой был под столом, с дуршлагом.

Профессионал из-под стола. —Ю.

Оттуда, снизу, при каждой молнии я видел весь пол. Семена кружили между стульями, но всегда возвращались и толкали горшок у лаза. Толкали они несильно. Зато всегда.

Тогда я нарисовал план.

Я рисовал его молниями, по линии на каждую, держа тетрадь на колене: единственный способ, который я знаю, чтобы думать быстро. У такого плана линии кривые, но стрелки все указывают в одно место, а это было главное. Перед лазом я поставил СТЕНУ СВЕТА, а рядом — велосипед: ПЕДАЛИ = СВЕТ.

— Тоньо, твоя фара загорается, когда крутишь педали?

— Конечно.

— Значит, сегодня ты будешь доставлять свет.

Флора посветила на план. Юля выглянула из-под скатерти. Тоньо слез со стула: ради своего велосипеда слезешь откуда угодно.

Мы поставили велосипед на подножку, фарой к кошачьему лазу. Динамо «МОЛНИИ» прижато к заднему колесу: крутится — горит свет. И Тоньо закрутил педали.

Он крутил так, как не крутил никогда. Особенно когда Гром запрыгнул на него.

Это надо увидеть, чтобы понять, поэтому я нарисовал.

Велосипед, который никуда не едет, и на нём тот, кто хотел бы оказаться очень далеко. Свет вышел из фары, сначала жёлтый и дрожащий, потом белый и прямой, и встал перед

лазом, как стена. Это была моя СТЕНА СВЕТА, наяву, с каплями пота.

Семена доходили до света и замирали, а мы ловили их одно за другим и клали в банку. Три. Четыре.

Я вылез из-под стола и встал на четвереньки рядом с Юлей, на краю света. Семена наступали на черту и останавливались. Весили они немногим больше шарика. Пальцы надо было смыкать быстро: стоило до них дойти тени, и они снова пытались бежать.

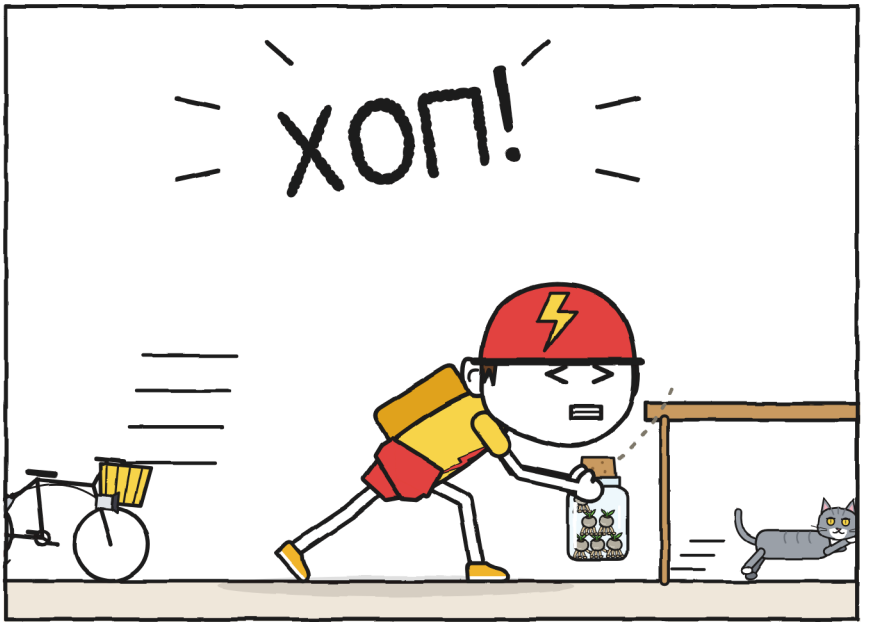
Гром схватил одно зубами, и Флора отняла его двумя пальцами.

— Пять! — сказала она.

Шесть.

Юля достала пробку из комбинезона, и Флора закрыла банку, плотно прижав пробку, чтобы шесть не задумали ничего лишнего. Потом нагнулась помогать нам. И тут Гром прыгнул на стол и сбросил её.

Я увидел краем глаза, как она падает, очень медленно: банка с пробкой, делающая в воздухе целый оборот. И увидел, как Тоньо бросил педали, вылетел с велосипеда, вытянувшись, как вратарь, и сомкнул обе руки в ладони от пола. ХЛОП!

— «МОЛНИЯ», — сказал он, лёжа на плитке и держа банку над головой. — За секунду или бесплатно.

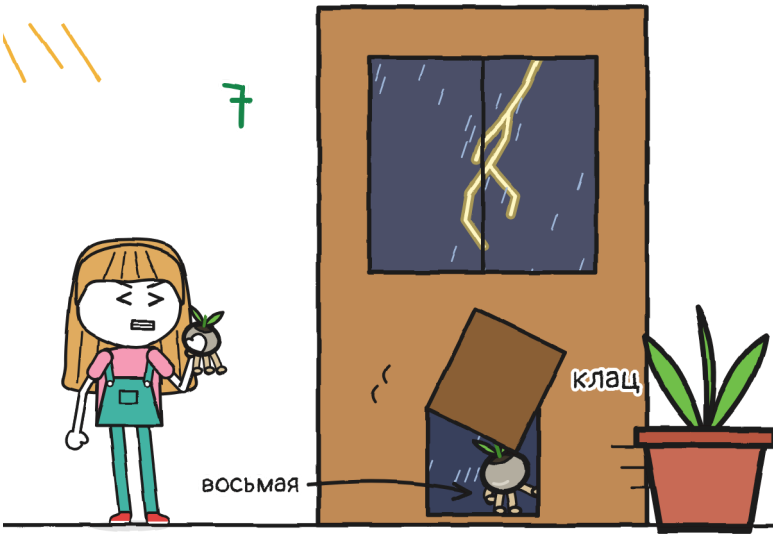
Это была самая быстрая доставка в моей жизни. Признаю это здесь, в тетради, потому что вслух не вышло: вышел ик.

Но он перестал крутить педали, и свет погас. А Грома никто не остановит: он пулей вылетел к лазу.

В темноте: тик, тик, тик. Потом крак: горшок, сдвинутый котом, который хотел выйти и вышел. Клац: лаз. И за ним, очень быстро, ещё тик, тик, тик, только это был не Гром.

Когда снова сверкнула молния, на полу осталось одно-единственное семя, и Юля его поймала. Флора приоткрыла

банку ровно настолько, чтобы оно влезло, и снова прижала пробку. Семь.

При этой же молнии я увидел сквозь стекло двери двор, плитки, блестящие под дождём, дорожку и посреди дорожки крошечное семечко, остановившееся на полушаге, с листочками, согнутыми водой. Потом стало ночью опять. А при следующей молнии на дорожке не было ничего.

Восьмая ушла в кошачий лаз.

— Я за ней! — сказала Юля, положив руку на дверную ручку.

— Пока сверкают молнии, из этого дома никто не выйдет, — отрезала Флора. Спорить она не собиралась.

Флора встала перед дверью, спиной к стеклу, раскинув руки. Юля посмотрела через её плечо: дорожка, канал, дождь. Стиснула челюсти.

Юля не спорила. Но и ручку не отпустила.

Через какое-то время лаз сказал клац. Это был Гром, мокрый во второй раз, с прилипшей шерстью и видом кота, который в жизни не сдвигал ни одного горшка. Он пришёл один. Без восьмой. Флора ногой снова придвинула горшок к лазу, на всякий случай, а он ушёл сидеть под стол, будто гроза — наше дело.

Какое-то время никто ничего не говорил; говорил только я, а говорил я «ик». Снаружи небо вспыхнуло снова.

— Молния... один слон, два слона.

Гррррм.

— Два, — сосчитала Юля. — Всё ещё очень близко.

Она сказала это с рукой на дверной ручке, глядя на дверь, а не на нас. Два слона — это меньше километра. Ещё час назад для меня это была бы худшая новость за вечер; теперь она была второй.

— Тогда пора их сажать, — сказала Флора. — Пока не ушла гроза. И в темноте.

— Среди молний? — спросила Юля, не отпуская ручку.

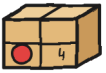
Флора показала на капли, ползущие вверх по стеклу теплицы.

— Чары остаются. Молнии — снаружи. Мы — внутри.

Мы посмотрели на банку. В ней было семь семян, и у некоторых лапки были прижаты к стеклу, будто они его измеряли, а по стеклу дрожало отражение каждой молнии. Семь из восьми. Я, который считает всё подряд, запомнил цифру: это не восемь, но и не ноль, и в ту ночь мне показалось, что с семью начать можно.

— В темноте, — повторила Флора, глядя на Крошку.

А Крошка, глядя на меня, икнула.

ГЛАВА Ч

Ик

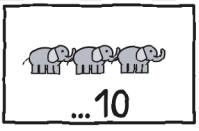
Флора объяснила нам, как сажают фонарницу, так, как ей показали от R., а я записал это, крепко нажимая фломастером: четыре пункта, и самым важным был последний, про срок.

КАК САЖАТЬ ФОНАРНИЦУ

1.
Земля, намокшая в грозу.
(Из-под крана не годится.)

2.
Открыть банку над землёй.
(Если открыть раньше, разбегутся.)

3.
Всё в темноте: они сами зарываются в землю.
(Если заколать самому, не прорастут.)

4.

Пока не ушла гроза:
если больше десяти слонов,
до следующей грозы уже не посадить.

До десяти слонов — бодрствуют. Одиннадцать — и спать. —Ю.

Значит, два срока: десять слонов — для семян, полчаса после последнего грома — для нас.

Флора светила мне на тетрадь, пока я писал. Пункты она говорила наизусть. Я больше ничего не спрашивал про R.

Между вторым и третьим пунктом я икнул два раза. Крошка — две вспышки пламени, и кухня дважды осветилась, как от фотовспышки. Никто ничего не сказал: к этому времени мы с Крошкой были освещением дома. Гром, под столом, слушал, будто пункты были для него.

Флора открыла стеклянную дверь теплицы и вошла первой. Крошка шла вплотную к моим ботинкам. Так я думал.

Теплица примыкает к кухне. Она длинная и узкая, с полками горшков вдоль стен, а посередине стоит грядка, длинный стол, полный земли, и под ним ещё горшки. Днём это, должно быть, зелёное и спокойное место. Ночью, в грозу, весь потолок белел при каждой молнии.

В потолке есть окно, которое никогда не открывается. Флора повернула его рукоятку: окно осталось закрытым, но нарисованные капли перестали ползти вверх и поползли вниз по стеклу. Тогда настоящий дождь прошёл сквозь стекло и упал на землю грядки.

— Всё на грядку. Ни капли на пол, — приказала Флора, будто дождь был её собственный.

Сразу запахло только что политой землёй.

Эти стёкла бывают только в сказке. В настоящую грозу — никаких теплиц. Смотри последнюю страницу. —Ю.

— Земля, намокшая в грозу, — сказала Флора. — А теперь всё в темноте. И быстро.

Юля осталась в дверях с банкой в руках. Она сменила дверную ручку на банку и сжимала её так же.

И тут раздался грохот сталкивающихся горшков, и под грядкой, в глубине, появились два жёлтых глаза, два дрожащих крыла и, каждые три секунды, язычок пламени. Ик. Крошка уже была внутри: она проскользнула между ног Флоры, когда та открывала дверь.

Флора осторожно потянула её. Крошка вцепилась в горшки всеми четырьмя лапами.

Малышка-дракон, вцепившаяся в два горшка, вдруг весит ровно столько, сколько два горшка, и Флора, которая выдёргивает сорняки, не спрашивая разрешения, отпустила её и осталась на коленях, глядя на неё.

Вера предупреждала. Я слышала. Ты в это время выпячивал грудь. —Ю.

И каждый раз, когда я икал на кухне, в теплице вспыхивала Крошка: за дверью горшки освещались снизу. Ик: сияние. Ик: сияние. Как свет в холодильнике, только дверью был я и не умел закрываться.

На кухне икота помогала: вспышка пламени, замершее семя, пойманное семя. Здесь она мешала сажать. При вспышке пламени каждые три секунды темно не было так долго, как нужно. Между громом и Крошкой, с дуршлагом на голове, был я.

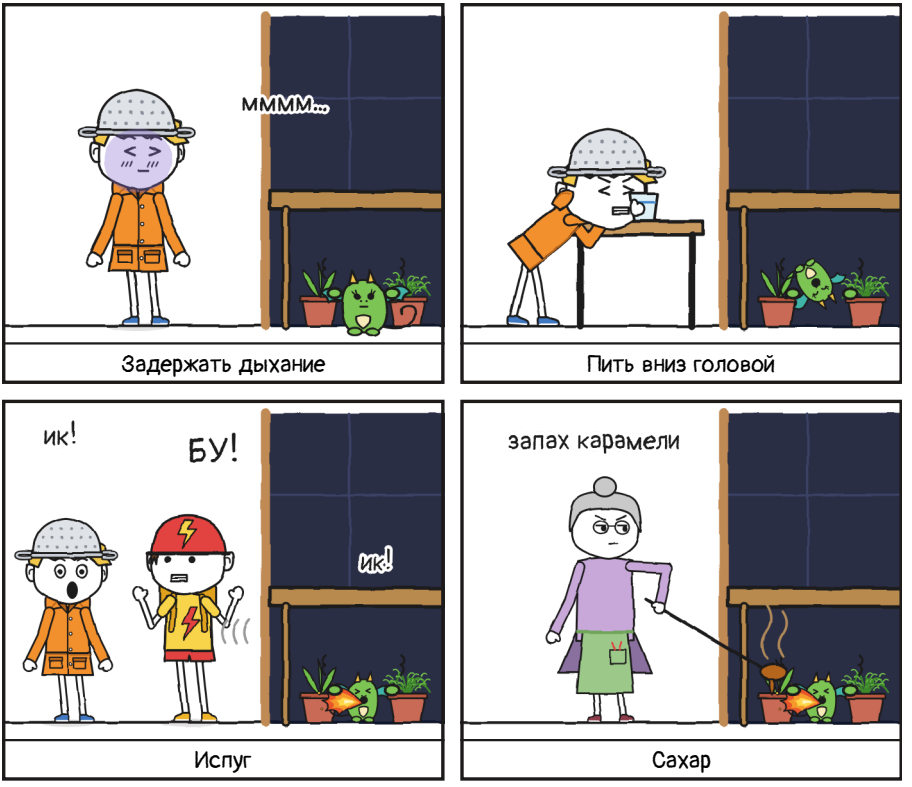
Я нарисовал это, чтобы разобраться.

Цепочку надо разорвать. Легче всего это сделать на звене «ты». С любовью. —Ю.

Мы перепробовали все средства от икоты, с Крошкой в помощницах: она копировала средство и, в придачу, ик.

Задержать дыхание: я побагровел, она позеленела ещё сильнее. Пить вниз головой: кончилось водой в носу. Испугом занялся Тоньо, закричавший «БУ!» без предупреждения: испуг достался мне, икнул я всё равно, а вспышка пламени Крошки опалила молнию на его каске. Последним была ложка сахара, идея Флоры: у Крошки он превратился в карамель, не успев дойти до рта, и в теплице долго пахло ярмаркой.

— Четыре слона. Пять.

Прогрохотало. Я стиснул зубы. Ик.

— Эта молния ударила дальше, — сказала Юля.

Семь семян кружили в банке. Ни они не находили выхода, ни я не находил способа замолчать.

— До десяти, — сказал я. — Мы ещё успеем.

При следующей молнии Тоньо начал считать быстро.

— Так не считается, — сказала Юля.

Он закрыл рот. Флора ждала с выключенным фонариком. Она не сказала мне поторопиться. Это было почти хуже.

— Крошка повторяет твой страх, — сказала Юля.

— Пусть повторяет что-нибудь другое, — сказал я.

Ик. Вспышка пламени.

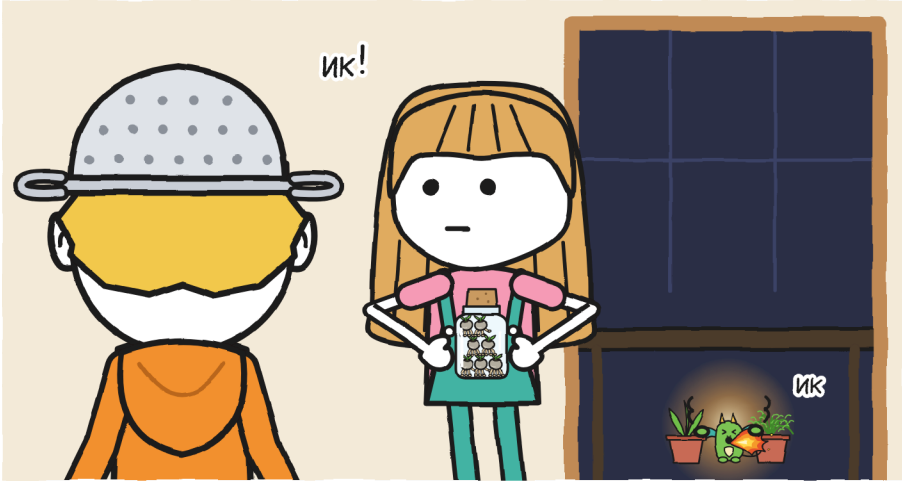
— А если вынести её на кухню? — спросил я.

— Она цепляется. Ты же видел.

Я посмотрел на дверь теплицы. Она показалась мне гораздо дальше, чем раньше.

Юля понизила голос.

— Сначала побудь с ней.

У меня был план. Беда в том, что он для этого не годился.

Мой план, чтобы никто не заметил, что я боюсь грома:

1. Говорить, что я их обожаю.
2. Не икать.
3. ???

Пункт 2 я вычеркнул той ночью икотой, пока он не перестал читаться. Пункт 1 оставался на месте, но ему уже никто не верил, даже я.

А третий? — Ю.

Я пытался. По-настоящему.

Я подошёл к порогу. Юля отступила с банкой, освобождая место. Никто меня не толкал.

Я поставил одну ногу в теплицу, решительно, с дуршлагом на голове и рукой на косяке. Нога вошла хорошо. Вошла так, как нога входит в бассейн в мае: нога — да; остальное — посмотрим.

Молния побелила весь потолок. Я сосчитал, сам того не желая: пять слонов.

ГРРРМ!

Заколдованные стёкла не останавливали шума. Весь потолок прогудел, как барабан. ИК! Под грядкой: ИК! — и вспышка пламени.

Следующее, что я знаю: я снова был на кухне, прижатый к холодильнику, с дуршлагом по самые брови. Не помню, как шёл. У моих ног, как и у рук, свои привычки.

Я стоял у холодильника с ледяными руками и сердцем в ушах. В двух пальцах от моей головы висела фотография набережной: ряд огоньков, который я пока что гасил своими иками.

От двери я посмотрел вверх, сквозь стеклянный потолок. И между молниями увидел их: драконов Веры, летящих в самой грозе.

Их было четыре. Три огромных, синий, оранжевый и фиолетовый, пересекали пространство между молниями, будто молнии были огнями на арене; а между ними четвёртый, красный, поменьше. Летели они высоко над крышей, внутри грозы, там, где гремит сильнее всего, и никакой спешки в них не было. Молния рисовала их целиком, белыми, каждую чешуйку; потом гасла, и было понятно, что они всё ещё там, потому что дождь на потолке распадался на тени.

Поэтому Вера не пошла с нами: в грозу они вылетают, а она остаётся дома и ждёт, пока вернутся. Я посмотрел на драконов, потом на грядку. Крошка когда-нибудь будет летать с ними. В ту ночь она свернулась клубком между горшками и повторяла за мной.

Они не икали.

— Идём, охотник, — сказал Тоньо.

Я ждал шутки. Шутки не было. Тоньо положил мне руку на плечо.

Я снял дуршлаг и отдал его Флоре.

Флора взяла его за ручки, как настоящую каску. Я провёл рукой по примятым волосам. Голова казалась такой же тяжёлой.

И вошёл.

Внутри дождь звучал как тысяча пальцев, барабанящих одновременно. Я залез на четвереньках под грядку. Крошка была там, свернувшись клубком и дрожа так же, как я.

Пахло мокрой землёй. Я присел рядом и обнял колени. Я дрожал от живота; она — от крыльев. Вдвоём мы заставляли дрожать горшки.

Я попробовал считать. «Один слон, ик, два сло..., ик». Ики вставлялись между слонами. Счёт сбился.

Я подумал, не выбраться ли. Мои ноги уже начали.

Крошка сжала горшки всеми четырьмя лапами.

Я остался.

ГРРРМ! Я икнул. Крошка икнула. Вспышка пламени осветила нас обоих.

У неё было моё лицо. С чешуёй.

Мы были двумя охотниками за грозами под грядкой.

Тут от двери Юля заговорила тихо, не смеясь:

— Рассчитывай на меня.

ГЛАВА 5

Рассчитывай на меня

И мы стали считать. Она — от двери, а я — под грядкой, на корточках, и Крошка дрожала, прижавшись к моему дождевику.

Молния.

— Один слон. Два слона. Три. Четыре. Пять. Шесть.

Гррррм.

— Шесть: примерно два километра, — сказала Юля. — Эта молния ударила дальше. Остаёмся в укрытии.

В этот раз я знал, что гром пришёл на шестом. Без счёта это был бы просто ещё один гром. Счёт дал мне занятие, пока я ждал.

Крошка всё дрожала, прижавшись к моему дождевику.

Я уже пробовал дуршлаг. И воду. И выйти из теплицы. И войти снова.

— Мне страшно, когда гремит.

Я сказал это в сторону горшков. Юля всё равно услышала.

— Я знаю. Ты нарисовал это сегодня утром, когда сказал, что ты охотник за грозами. Я тебя ждала.

Юля уже говорила мне, что Крошка повторяет мой страх. Я искал, что бы ещё починить: икоту, горшки, дверь.

На этот раз я не сказал «но».

Спасибо вслух я не сказал. Оставляю его здесь.

Прочитано. Не за что. —Ю.

— А я боюсь кошек, — сказал Тоньо.

Гром спал у него на коленях. Тоньо не шевелил руками.

— А я — ждать того, что не приходит, — сказала Флора. — Поэтому и открывала банку сразу.

А я — мостики. Это вы уже знали. —Ю.

Никто не засмеялся.

Снаружи дождь лил всё так же. Крошка всё так же прижималась к моему дождевику. Под грядкой я был уже не один.

Я дышал медленно, как на мостике. Вдох. Выдох. Крошка дышала вместе со мной. Когда она перестала дрожать, у меня тоже немного разжались руки.

Молния. Мы вместе досчитали до девяти. Гррrм. Тоньо, со стула, тихо сказал «раздватри» и остановился на трёх, где останавливается всегда. Гром даже не проснулся.

И я не икнул. Ни от этого грома, ни от следующего.

Я ждал ика, и он не пришёл. Крошка наклонила голову. Впервые за всю ночь в теплице было темно столько, сколько нужно.

— Сейчас! — прошептала Флора.

Юля на цыпочках вошла в темноте. Из-под грядки, пригнувшись, я слышал, как её кеды прошли передо мной, медленно, одна перед другой, будто пол теплицы был мостиком. Она поставила банку на мокрую землю и открыла. Пробка сказала маленькое чпок, из тех, что просят прощения; ничего общего с ЧПОК! на кухне. Потом она вернулась к двери, не шумя, не бегом, с ногой, которая стояла спокойно.

В этот раз банку я открыла вовремя. Для протокола. —Ю.

Тик, тик, тик. В темноте что-то выходило из банки.

Ничего не было видно: было слышно. Семь шорохов корешковых лапок, спускающихся по стеклу и ступающих на мокрую землю, по одному тику на каждую, чуть медленнее дождя. Думаю, это самый маленький звук, какой я слышал в жизни, и ничего я никогда не слушал так внимательно, даже скорлупу яйца Крошки, когда оно раскололось две субботы назад.

Молния, совсем далеко. Мы считали без голоса, одними губами, Юля у двери и я под грядкой: один слон, два, три… семь слонов, восемь, девять, десять… Гррrм.

Десять. Ещё один слон, и все семь уснули бы на земле до следующей грозы. Десять был последний, который годился.

При следующей молнии мы увидели:

Банка лежала пустая, на боку, на краю грядки. В земле шли семь дырочек в ряд, как у флейты, а в последней ещё виднелась лапка-корешок, которая как раз пряталась внутрь: последняя.

Потом снова стало темно, и при следующей молнии лапки уже не было.

Потом какое-то время — ничего. Только мы, в темноте, глядящие на грядку с землёй.

Флора сложила ладони перед ртом. Тоньо не двигался, из-за кота. Юля, на этот раз, тоже. Мы с Крошкой дышали одновременно.

И тут зажглась первая.

Это был огонёк посреди грядки, зелёный с золотом, размером с пламя свечи, и выходил он из земли. Он вырос. Поднялся по тонкому стеблю, как сок по соломинке, а наверху раскрылся круглый закрытый цветок, из тонкой бумаги, со светом внутри. Потом зажглась вторая. Потом я уже не успевал считать по порядку, потому что остальные загорелись почти одновременно, как фонари на улице, когда стемнеет.

Семь фонарниц. В каждой — кусочек молнии.

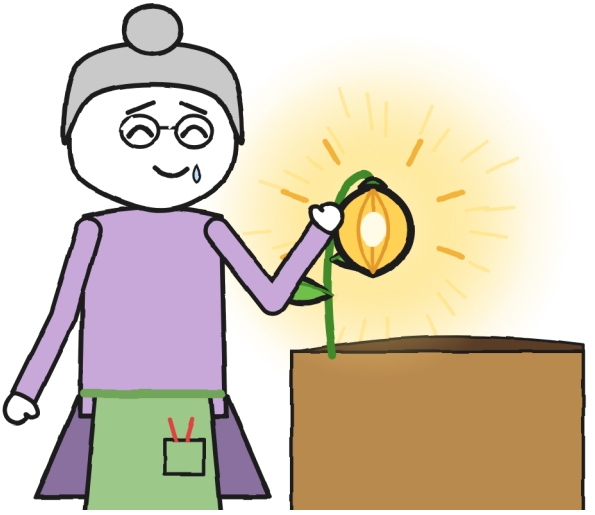
Это был не свет молнии. Молния на мгновение делает всю теплицу белой и оставляет тебя хуже, чем было. Этот был жёлтый, с зеленью, и оставался: молния, которая стоит на месте, которая научилась ждать. Светил он ровно настолько: земля, стебли, лица. Флора, с руками на голове. Юля, с открытым ртом и ни одним словом. Тоньо, с Громом на руках, не понимающий, как кот к нему попал. И мы с Крошкой, только что вылезшие из-под грядки. Крошка смотрела с открытым ртом, как я. Она больше не повторяла за мной страх. Она повторяла вот это.

Далеко-далеко снова загремело. Юля посчитала по привычке, вполголоса, и потеряла цифру по дороге.

Флора долго ничего не говорила. Потом дотронулась до одного цветка кончиком пальца, медленно, как трогают то, чего давно ждали.

— Вот такой была набережная, — сказала она.

Она сказала это цветку. На фотографии на холодильнике был такой же свет, и другой, и ещё один, до самого мостика.

У Флоры запотели очки. Не буду писать, что она плакала. Я нарисую это, а это не одно и то же: Флора не из тех, кто плачет, она из тех, кто поливает.

Я тоже потрогал один. Крошка тоже, лапой, очень осторожно. Он был тёплый, как солнечный камень в гнезде Крошки, который хранит тепло дня. Этот хранил другое, и

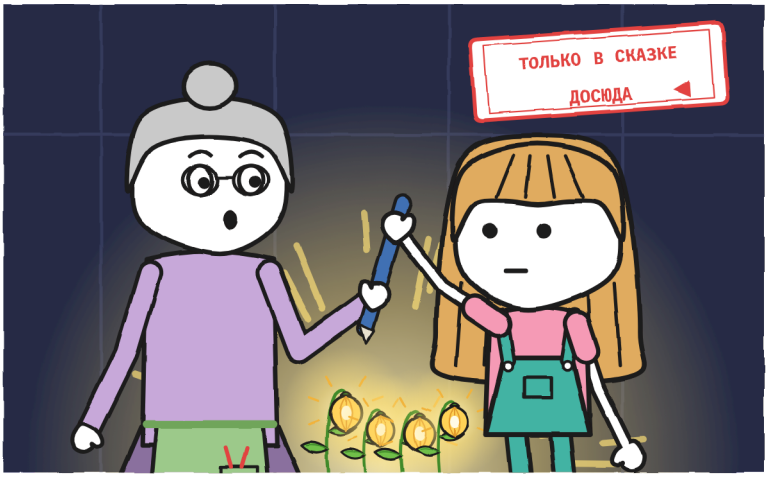
хранил так же хорошо. Папоротники Флоры, кстати, остались целы.

Флора повернула рукоятку. Нарисованные капли поползли вверх, и над грядкой дождь прекратился. Потом, прямо там, среди фонарниц, она достала ручку, чтобы расписаться.

Ручка была синяя. Я не успел посмотреть, стирается она или нет, потому что рука Юли уже лежала сверху.

— Ещё нет, — сказала Юля и остановила её руку. — Не хватает одной. Восьмой. Она убежала по моей вине: я открыла банку раньше времени.

Юля весь день ждала этой подписи. И только что остановила её двумя пальцами.

Флора осталась с ручкой в воздухе. Потом убрала её.

— Ладно, — сказала она.

Мы возвращались на кухню по одному, с семью зажжёнными фонарницами за стеклом. На кухне Флора встала перед нами:

— Двор пока закрыт. Мы ещё не выходим.

Никто не спорил.

Юля осторожно отлепила этикетку от коробки, чтобы не порвать, и спрятала в карман комбинезона, как прячут ключ.

Доставлять — так целиком. —Ю.

Мы ждали на кухне, пока у Юли не кончились молнии для счёта.

Двенадцать слонов. Шестнадцать. Двадцать один, и гром, который уже не был громом, а был звуком передвигаемой мебели двумя этажами выше. Потом небо вспыхнуло в последний раз за тучами, и Юля считала, пока не кончились слоны, а ничего не пришло. За окном перестал идти дождь. Гроза ушла. И всё же Флора продержала нас внутри ещё полчаса после последнего грома. Это было правило Юли, и на этот раз выполнять его пришлось ей, сжав зубы.

Флора открыла заднюю дверь. Двор был мокрый и тихий, плитки блестели, а среди туч виднелись звёзды, немногие, из тех, что выходят посмотреть, что случилось. Юля остановилась на пороге, и я рядом с ней.

Восьмая была там, снаружи. Из дома Флоры мостика не было видно: его закрывала стена набережной. Если она не

успела найти землю, это уже ещё один камень. Я подумал о дожде, текущем к каналу, и перестал смотреть на воду.

И срок остался прежний: без подписи Флоры на рассвете посылка № 2 улетит обратно на свою полку. У нас было время до восхода солнца.

— Пойдём её искать, — сказала Юля.

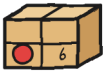
У Юли снова была рука на дверной ручке. Теперь дверь была открыта.

Флора долго смотрела в ночь. Потом трижды стукнула по ограде двора, стене Дома Драконов, как говорила Вера. Тук, тук, тук. Костяшками, не торопясь.

Над оградой, с той стороны, зажёгся свет фонаря.

— На этот раз, — сказала она, — вы пойдёте не одни.

ГЛАВА 6

Восьмая

Мы вышли вместе с двумя взрослыми, фонарём и велосипедом. Перед этим Флора позвонила ко мне домой и к Юле: «Верну их сегодня ночью, и они будут не одни».

Это был первый в моей жизни выход со списком:

- Вера, с фонарём.
- Флора, с фонариком.
- Тоньо, с велосипедом, который он катил, чтобы динамо давало свет.
- Юля, с пустой банкой и этикеткой в кармане комбинезона.
- И я, с Крошкой за пазухой дождевика, с головой наружу.

Вера пришла по улице через минуту после ударов, с мокрыми рыжими волосами и поднятым фонарём. Она встала перед нами, не спрашивая, кто что потерял.

Мы с Крошкой больше не дрожали.

Мы искали во дворе, на дорожке, у края канала.

Флора осматривала плитки фонариком. Тоньо проехал вдоль бордюра, катя велосипед. Юля трогала камни набережной, не тёплый ли какой. Мы с Крошкой заглядывали под каждый куст. Ничего.

Спящее семя ночью — это ещё один камень. А на набережной камней очень много: я понял это той ночью, на коленях, рядом с Юлей. Все они выглядели как спящие семена. Ни один не был.

Тоньо искал так, как возит заказы: всю набережную за десять минут, туда и обратно, а потом ещё раз.

Свет фонаря наполнял блёстками мокрые камни. И тут я подумал: только что проросшая фонарница светила бы слабо. Мы искали огонёк, держа включёнными три своих света, и они его съедали.

— Погасите всё! — сказал я.

Никто не спросил почему. Тоньо резко остановился, и свет велосипеда погас («МОЛНИЯ» не останавливается никогда). Вера убавила пламя фонаря до ничего. Флора выключила фонарик. На какое-то время на всей набережной не осталось ни одного света.

И в темноте, в конце набережной, показался огонёк.

Он был у начала мостика.

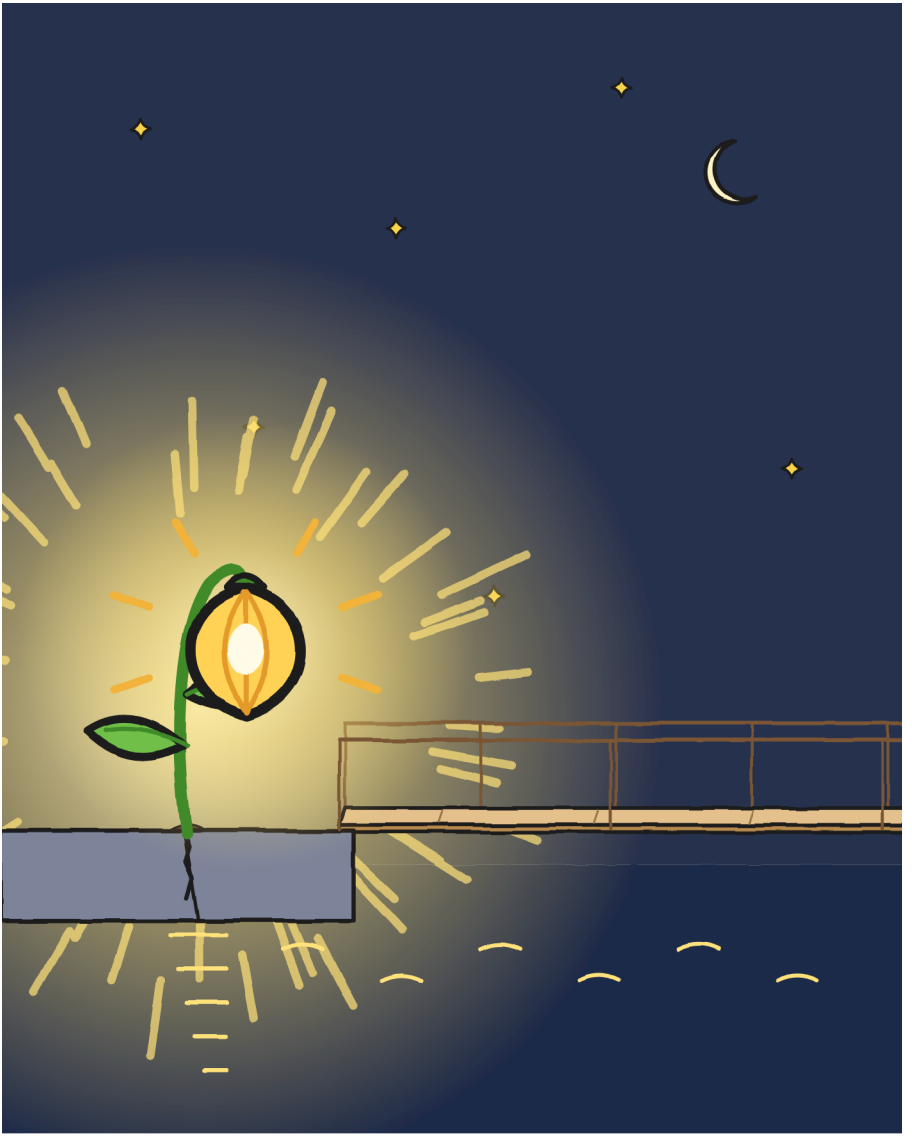

Юля пошла к нему. Остальные за ней.

Дождь смыл её по дорожке на набережную, и она застряла в трещине между двумя камнями, из тех, где всегда есть палец земли и трава, которую никто не сажал. Там она сама и укоренилась. Издали — огонёк. Вблизи — освещала всё вокруг.

Стебель у неё был кривой, а свет такой же, как у семи в теплице. Она освещала начало мостика и кусочек воды.

Юля смотрела на мостик. При свете он казался другим: короче, шире, больше деревянным, чем водным. На этот раз было видно, где он кончается.

Она поставила ногу на доску. Только одну. Потом убрала. Это был не шаг, а проба, но нога на миг осталась стоять твёрдо,

со светом восьмой под ней, и никто ничего не сказал. Я не сказал «шаг»: на этот раз она видела дорогу.

Издали мне уже не страшно. Вблизи — почти тоже.
–Ю.

— Эта остаётся здесь, — сказала Флора. — Она выбрала место.

Юля достала этикетку и свой зелёный фломастер. Флора положила этикетку на край мостика и расписалась при свете восьмой.

Поверх двадцати трёх штампов ВОЗВРАЩЕНО появилось зелёным: ДОСТАВЛЕНО · Флора.

Прощаясь у своей двери, Флора отдала мне свой дуршлаг.

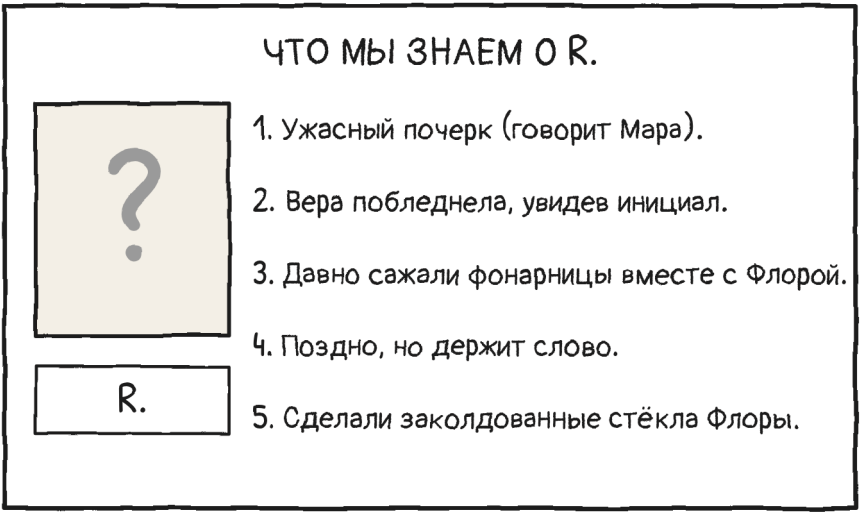
— Оставь себе. Для следующей грозы.

Потом добавила:

— Скажи Маре, что давно пора.

Она протянула мне его за ручки, как настоящую каску. Она не сказала «если будет ещё гроза»: она сказала «для следующей», как говорят «в следующую субботу». Теперь он висит на ручке окна в моей комнате, над коробками, которые так и стоят закрытыми. Это первая вещь в той комнате, которая не приехала ни в какой коробке.

Про поручение я ничего не успел спросить: Флора закрыла дверь прежде, чем я собрался. Карточка R. получилась такой:

6. Имя никто не называет. Это тоже улика. —Ю.

Вера оставила Крошку в гнезде, уснувшую ещё по дороге, на моём полосатом свитере, который лежит там с тех пор, как прошло две субботы, и пахнет уже скорее ею, чем мной. «Её первая гроза», — сказала Вера и укрыла её до подбородка. Спала Крошка с чуть приоткрытым ртом, как я, по словам мамы. Про грозу она не вспомнит. Для этого у неё есть эта тетрадь.

Потом Вера повезла нас в магазин на своём фургоне, с велосипедом Тоньо, лежащим сзади, по автомобильному мосту: Большой мост уже развели. Юля сидела у окна со стороны канала и всю дорогу по мосту смотрела на воду

прямо: что-то искала. И это было заметно. В самом конце, у начала мостика, крошечный, горел огонёк. Один. На канале, где годами не было ни одного.

Магазин был тёмный. Не просто без света: тёмный весь, до вывески; то немногое, что видно, было от уличного фонаря. Вера высадила нас у двери и вернулась к своим драконам, которые после грозы, сказала она, долго не засыпают. Мары за прилавком не было.

Она была под ним.

Мы втроём заглянули поверх прилавка, Юля, Тоньо и я, в ряд, с подбородками на дереве, и там внизу, в закутке, сидела Мара: закутанная в одеяло до шеи, в наушниках и с ковшиком на голове, а поверх ковшика шляпа, потому что Мара не снимает шляпу даже ради этого. Она обнимала резиновую лягушку. Мою лягушку. Ту, что была ничьей. Теперь я знал, зачем она была нужна Маре.

— Уже прошло? — спросила она.

Я знал этот голос. Это был мой, когда я говорил из-под кровати.

— Давно, — сказала Юля.

Мара оставалась там: одеяло, наушники и ковшик.

Посылку № 2 она носила двадцать три раза. Ни разу в грозу.

Утром у неё уже было всё приготовлено в конце прилавка: одеяло, наушники, ковшик. Я это видел и смотрел на посылку.

«Дела тут». Ну да. —Ю.

Я передал ей поручение Флоры.

Мара не спросила, какая Флора, ни какая пора, ни пора чего. Она натянула ковшик до бровей, и это самое близкое к румянцу, что можно сделать с ковшиком на голове, а под ним мне показалась улыбка, которой она уже не пользуется: та, что на старой фотографии двух молодых ведьм, на наклейке, которая висит за прилавком. Мара и Флора знакомы, и не только по двадцати трём доставкам. Откуда, не знаю; в список вопросов на другую субботу, который уже на второй странице.

— Мне тоже страшно, когда гремит, — сказал я ей.

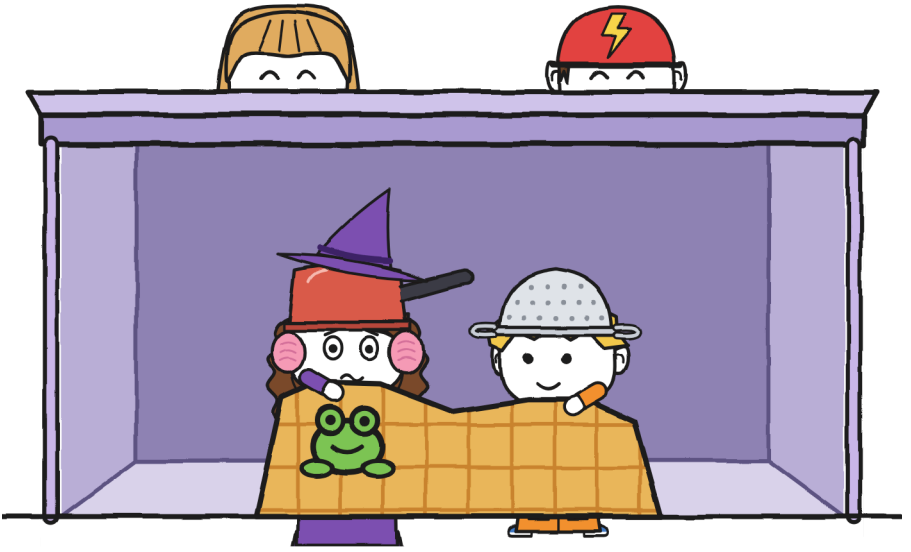
В первый раз, под грядкой, мне это стоило целой грозы. Во второй раз вышло само, как ик.

Мара ничего не сказала. Она приподняла одеяло.

Я надел дуршлаг, который не выпускал из рук от двери Флоры. Для этого мне его и дали. И залез под прилавок к ней.

Мы поместились.

У Мары был ковшик, у меня — дуршлаг. Она всё так же обнимала лягушку. Над прилавком выглядывали Юля и Тоньо. Никто не смеялся.

Мы просидели так, пока у Мары не прошло, или пока у меня не затекла нога, что одно и то же. Когда она вышла, то включила свет, и Юля положила этикетку на прилавок, рядом с печатью: двадцать три ВОЗВРАЩЕНО и сверху ДОСТАВЛЕНО · Флора. Мара прочитала её, не касаясь, долго, как когда-то читала этикетку посылки № 1. Потом посмотрела на конец прилавка, где одеяла уже не было, и пошла искать ящик.

Для Тоньо она поставила вверх дном ящик для доставок рядом с табуретами.

— Пока что, — сказала она.

«Пока что» у Мары может длиться долго.

Тоньо сел. Ящик был такой низкий, что колени чуть не касались подбородка. Он остался.

Юля протянула ему зелёный фломастер.

На рюкзаке, после «кроме грозы», Тоньо дописал два слова:

«и кошек».

Теперь мелкий шрифт говорит правду. —Ю.

Потом Юля встала на мой синий табурет, тот, что ближе к стене, зачеркнула 19 на табличке и рядом написала 18, крупнее, с желанием зачеркнуть и его.

Я починил свой план. Для гроз:

1. Считать слонов.
2. С кем-нибудь.
3. Если икнул — ничего страшного.

И не говорить, что ты охотник за чем-то. —Ю.

Мы уже закрывали, когда зазвенел колокольчик.

Динь.

Звук шёл не от двери. Он шёл от полки возвращённых: посылка № 3, рядом с двумя пустыми местами.

Я подошёл прочитать этикетку.

№ 3 · ДЛЯ ТОНЬОШИ.

Тоньо стал цвета своей каски.

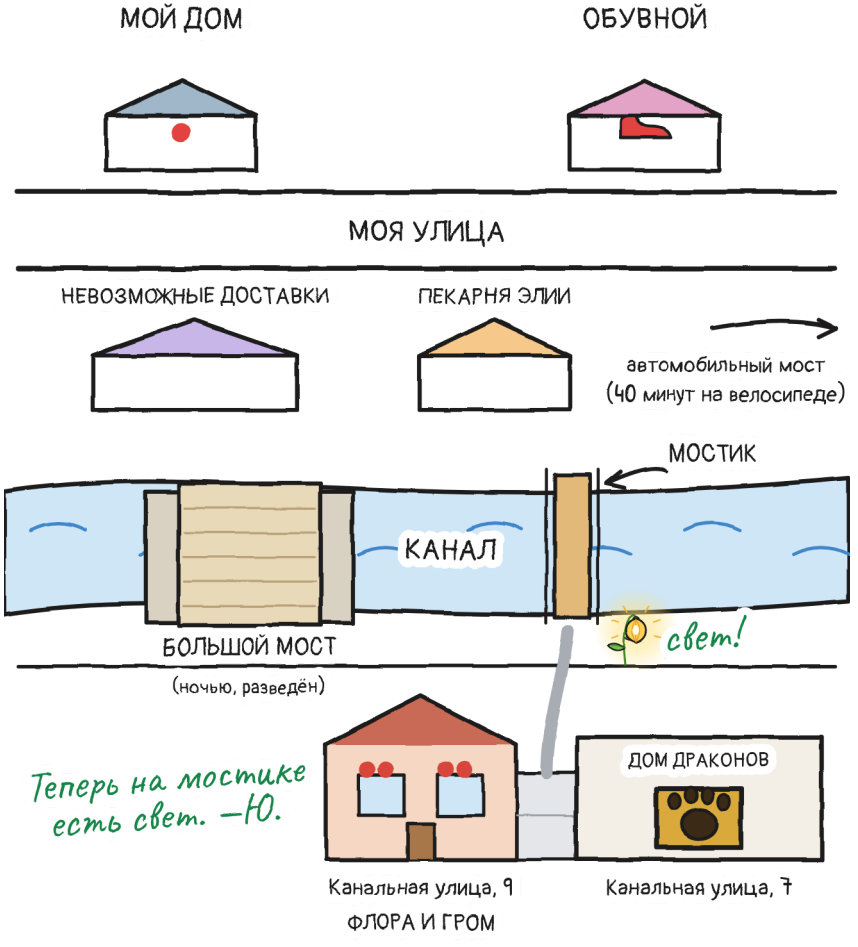

Кто присылает посылки Тоньо? —Ю.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 3

(очень скоро)

РАЙОН (версия 2)

ОДНА ИСТОРИЯ, ШЕСТЬ РАЗМЕРОВ

Эта книга существует в шести размерах, для детей от 3 до 16 лет, и больше чем на 20 языках. XXS, XS, S, M и L рассказывают историю страница за страницей, на тех же рисунках и со всё большим числом оттенков. XL — это роман: та же история, в которой есть место для всего, что Гуни думает, но не говорит.

Уровни CEFR указаны приблизительно: XXS, pre-A1 · XS, A1 · S, A2 · M, B1 · L, B2 · XL, B2–C1.

Каждому — свой размер. Гроза одна. —Ю.

ДЛЯ СЕМЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

Занимайся по каждой главе на linguaula.com (с заданиями размера L)

НАСТОЯЩАЯ ГРОЗА: ЧТО ДЕЛАТЬ

1. Если слышишь гром, даже далёкий, заходи в дом: молния уже может долететь до тебя.
2. Внутри, со взрослым, подальше от окон, дверей и стёкол. Никаких теплиц, мостов, деревьев и воды.
3. Не выходи, пока не пройдёт полчаса после последнего грома.
4. Счёт слонов помогает понять, близко или далеко ударила молния, и успокоиться. Он не говорит, когда можно выходить.

СЧИТАЙ СВОЮ ГРОЗУ

Из дома: считай слонов между молнией и громом.

Молния	Слоны	Километры (1 каждые 3, примерно)	Эта молния — ближе или дальше?
1	15	5	—
2	9	3	ближе

Икаешь от грома? Считай слонов. И рассчитывай на кого-нибудь. —Ю.